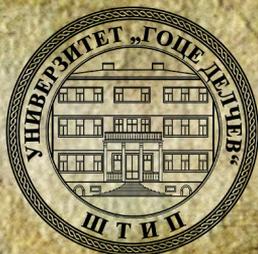

УНИВЕРЗИТЕТ „ГОЦЕ ДЕЛЧЕВ“ - ШТИП
ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ

UDC 81
UDC 82
UDC 008

ISSN: 2545-3998
DOI: 10.46763/palim

ПАЛИМПСЕСТ

МЕЃУНАРОДНО СПИСАНИЕ ЗА ЛИНГВИСТИЧКИ,
КНИЖЕВНИ И КУЛТУРОЛОШКИ ИСТРАЖУВАЊА

PALIMPSEST

INTERNATIONAL JOURNAL FOR LINGUISTIC,
LITERARY AND CULTURAL RESEARCH

PALMK, VOL 7, NO 14, STIP, 2022

ГОД. VII, БР. 14
ШТИП, 2022

VOL. VII, NO 14
STIP, 2022

ПАЛИМПСЕСТ

Меѓународно списание за лингвистички, книжевни
и културолошки истражувања

PALIMPSEST

International Journal for Linguistic, Literary
and Cultural Research

Год. 7, Бр. 14
Штип, 2022

Vol. 7, No 14
Stip, 2022

PALMK, VOL 7, NO 14, STIP, 2022

DOI: <https://doi.org/10.46763/PALIM22714>

ПАЛИМПСЕСТ

Меѓународно списание за лингвистички, книжевни
и културолошки истражувања

ИЗДАВА

Универзитет „Гоце Делчев“, Филолошки факултет, Штип,

ГЛАВЕН И ОДГОВОРЕН УРЕДНИК

Ранко Младеноски

УРЕДУВАЧКИ ОДБОР

Виктор Фридман, Универзитет во Чикаго, САД
Толе Белчев, Универзитет „Гоце Делчев“, Македонија
Нина Даскаловска, Универзитет „Гоце Делчев“, Македонија
Ала Шешкен, Универзитет Ломоносов, Руска Федерација
Олга Панкина, НВО Македонски културен центар, Руска Федерација
Астрид Симоне Хлубик, Универзитет „Крал Михаил I“, Романија
Алина Андреа Драгоеску, Универзитет „Крал Михаил I“, Романија
Сунчана Туксар, Универзитет во Пула, Хрватска
Саша Војковиќ, Универзитет во Загреб, Хрватска
Шандор Чегледи, Универзитет во Панонија, Унгарија
Ева Бус, Универзитет во Панонија, Унгарија
Хусејин Озбај, Универзитет Гази, Република Турција
Озтурк Емироглу, Универзитет во Варшава, Полска
Елена Дараданова, Универзитет „Св. Климент Охридски“, Република Бугарија
Ина Христова, Универзитет „Св. Климент Охридски“, Република Бугарија
Џозеф Пониах, Национален институт за технологија, Индија
Сатхарај Венкатесан, Национален институт за технологија, Индија
Петар Пенда, Универзитет во Бања Лука, Босна и Херцеговина
Данило Капасо, Универзитет во Бања Лука, Босна и Херцеговина
Мета Лах, Универзитет во Љубљана, Република Словенија
Намита Субиото, Универзитет во Љубљана, Република Словенија
Ана Пеличер-Санчез, Универзитет во Нотингам, Велика Британија
Мајкл Грини, Универзитет во Нотингам, Велика Британија
Татјана Ѓурин, Универзитет во Нови Сад, Република Србија
Диана Поповиќ, Универзитет во Нови Сад, Република Србија
Жан Пол Мејер, Универзитет во Стразбур, Република Франција
Жан Марк Веркруз, Универзитет во Артуа, Република Франција
Регула Бусин, Швајцарија
Натале Фиорето, Универзитет во Перуца, Италија
Оливер Хербст, Универзитет во Вурцбург, Германија
Шахинда Езат, Универзитет во Каиро, Египет

PALIMPSEST

International Journal for Linguistic, Literary
and Cultural Research

PUBLISHED BY

Goce Delcev University, Faculty of Philology, Stip,

EDITOR-IN-CHIEF

Ranko Mladenoski

EDITORIAL BOARD

Victor Friedman, University of Chicago, USA

Tole Belcev, Goce Delchev University, Macedonia

Nina Daskalovska, Goce Delchev University, Macedonia

Alla Sheshken, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Olga Pankina, NGO Macedonian Cultural Centre, Russian Federation

Astrid Simone Hlubik, King Michael I University, Romania

Alina Andreea Dragoescu Urlica, King Michael I University, Romania

Sunčana Tuksar, University of Pula, Croatia

Saša Vojković, University of Zagreb, Croatia

Sándor Czeglédi, University of Pannonia, Hungary

Éva Bús, University of Pannonia, Hungary

Husejin Ozbaj, GAZI University, Republic of Turkey

Öztürk Emiroğlu, University of Warsaw, Poland

Elena Daradanova, Sofia University "St. Kliment Ohridski", Republic of Bulgaria

Ina Hristova, Sofia University "St. Kliment Ohridski", Republic of Bulgaria

Joseph Ponniah, National Institute of Technology, India

Sathyaraj Venkatesan, National Institute of Technology, India

Petar Penda, University of Banja Luka, Bosnia and Herzegovina

Danilo Capasso, University of Banja Luka, Bosnia and Herzegovina

Meta Lah, University of Ljubljana, Republic of Slovenia

Namita Subiotto, University of Ljubljana, Republic of Slovenia

Ana Pellicer Sanchez, The University of Nottingham, United Kingdom

Michael Greaney, Lancaster University, United Kingdom

Tatjana Durin, University of Novi Sad, Republic of Serbia

Diana Popovic, University of Novi Sad, Republic of Serbia

Jean-Paul Meyer, University of Strasbourg, French Republic

Jean-Marc Vercruyse, Artois University, French Republic

Regula Busin, Switzerland

Natale Fioretto, University of Perugia, Italy

Oliver Herbst, University of Wurzburg, Germany

Chahinda Ezzat, Cairo University, Egypt

РЕДАКЦИСКИ СОВЕТ

Луси Караниколова-Чочоровска

Толе Белчев

Нина Даскаловска

Билјана Ивановска

Светлана Јакимовска

Марија Леонтиќ

Јована Караникиќ Јосимовска

ЈАЗИЧНО УРЕДУВАЊЕ

Ранко Младеноски (македонски јазик)

Весна Продановска (англиски јазик)

Толе Белчев (руски јазик)

Билјана Ивановска (германски јазик)

Марија Леонтиќ (турски јазик)

Светлана Јакимовска (француски јазик)

Јована Караникиќ Јосимовска (италијански јазик)

ТЕХНИЧКИ УРЕДНИК

Славе Димитров

АДРЕСА

ПАЛИМПСЕСТ

РЕДАКЦИСКИ СОВЕТ

Филолошки факултет

ул. „Крсте Мисирков“ бр. 10-А

п. факс 201

МК-2000 Штип

<http://js.ugd.edu.mk/index/PAL>

Меѓународното научно списание „Палимпсест“ излегува двапати годишно во печатена и во електронска форма на посебна веб-страница на веб-порталот на Универзитетот „Гоце Делчев“ во Штип:

<http://js.ugd.edu.mk/index.php/PAL>

Трудовите во списанието се објавуваат на следните јазици: македонски јазик, англиски јазик, германски јазик, француски јазик, руски јазик, турски јазик и италијански јазик.

Трудовите се рецензираат.

EDITORIAL COUNCIL

Lusi Karanikolova-Chochorovska
Tole Belcev
Nina Daskalovska
Biljana Ivanovska
Svetlana Jakimovska
Marija Leontik
Jovana Karanikik Josimovska

LANGUAGE EDITORS

Ranko Mladenoski (Macedonian language)
Vesna Prodanovska (English language)
Tole Belcev (Russian language)
Biljana Ivanovska (German language)
Marija Leontik (Turkish language)
Svetlana Jakimovska (French language)
Jovana Karanikik Josimovska (Italian language)

TECHNICAL EDITOR

Slave Dimitrov

ADDRESS

PALIMPSEST

EDITORIAL COUNCIL

Faculty of Philology
Krste Misirkov 10-A
P.O. Box 201
MK-2000, Stip

<http://js.ugd.edu.mk/index/PAL>

The International Scientific Journal “Palimpsest” is issued twice a year in printed form and online at the following website of the web portal of Goce Delcev University in Stip:

<http://js.ugd.edu.mk/index.php/PAL>

Papers can be submitted and published in the following languages: Macedonian, English, German, French, Russian, Turkish and Italian language.

All papers are peer-reviewed.

СОДРЖИНА / TABLE OF CONTENTS

11 ПРЕДГОВОР

Луси Караниколова-Чочоровска, деканка на Филолошки факултет

FOREWORD

Lusi Karanikolova-Chochorovska, Dean of the Faculty of Philology

ЈАЗИК / LANGUAGE

15 **Alessandra Rea**

LA LINGUA COME STRUMENTO IDENTITARIO: L'INFLUENZA DELLE
SCELTE LINGUISTICHE SULLA TRASMISSIONE DEGLI STEREOTIPI DI
GENERE

Alessandra Rea

LANGUAGE AS AN IDENTITY TOOL: THE INFLUENCE OF LINGUISTIC
CHOICES ON THE TRANSMISSION OF GENDER STEREOTYPES

27 **Maria Fornari**

GUELFO CIVININI E LA LINGUA GIORNALISTICA ITALIANA: L'ESEMPIO
DI UN REPORTAGE DA BELGRADO DEL 1914

Maria Fornari

GUELFO CIVININI AND THE ITALIAN LANGUAGE OF NEWSPAPERS:
AN EXAMPLE OF A REPORTAGE FROM BELGRADE IN 1914

37 **Edita Fialová**

PRÄPOSITIONALE KOLLOKATIONEN DEUTSCH-TSCHECHISCH. EINE
VERGLEICHENDE KORPUSBASIERTE ANALYSE MIT FOKUS AUF
PRÄPOSITION-NOMEN-VERBINDUNGEN

Edita Fialová

PREPOSITIONAL COLLOCATIONS GERMAN-CZECH. A COMPARATIVE
CORPUS-BASED ANALYSIS WITH FOCUS ON PREPOSITION-NOUN
COLLOCATIONS

47 **Билјана Ивановска, Гзим Џафери**

СИНТАКСИЧКИТЕ ФУНКЦИИ НА ПРИДАВКИТЕ ВО ГЕРМАНСКИОТ
ЈАЗИК ВРЗ ПРИМЕРИ ОД ДНЕВНИОТ ПЕЧАТ

Biljana Ivanovska, Gëzim Xhaferri

THE SYNTACTIC FUNCTION OF ADJECTIVES IN GERMAN LANGUAGE
ON THE EXAMPLES OF DAILY PRESS

57 **Марија Леонтиќ**

СИНТАГМИ СО ГЛАГОЛСКА ИМЕНКА ВО ТУРСКИОТ ЈАЗИК И
НИВНОТО ПРЕДАВАЊЕ ВО МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК

Marija Leontik

WORD GROUPS WITH AN INFINITIVE IN TURKISH LANGUAGE AND
THEIR EQUIVALENCE IN MACEDONIAN LANGUAGE

- 65** **Надица Негриеуска**
АНАЛИЗА НА ВРЕМЕНСКАТА ФУНКЦИЈА КАЈ ПРОСТИТЕ ПРЕДЛОЗИ
ВО ИТАЛИЈАНСКИОТ ЈАЗИК И НИВНИТЕ ЕКВИВАЛЕНТИ ВО
МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК
Nadica Negrievska
ANALYSIS OF THE TIME FUNCTION IN THE SIMPLE PREPOSITIONS IN
THE ITALIAN LANGUAGE AND THEIR EQUIVALENTS IN MACEDONIAN
LANGUAGE
- 77** **Rabie Ruşid**
KUZEY MAKEDONYA'DA TÜRKÇENİN YABANCI DİL OLARAK
ÖĞRETİMİNDE KARŞILAŞILAN SORUNLAR
Rabia Ruşid
PROBLEMS FACED IN TEACHING TURKISH AS A FOREIGN LANGUAGE
IN NORTH MACEDONIA

КНИЖЕВНОСТ / LITERATURE

- 87** **Milena Z. Škobo, Jovana M. Đukić**
MANIFESTATIONS OF 'NEW AGE' RELIGIONS IN GATED COMMUNITIES
OF J. G. BALLARD'S *COCAINE NIGHTS* AND *KINGDOM COME* – AN
ECOCRITICAL APPROACH
- 101** **Rossella Montibeler**
I SEGNALI NASCOSTI NEGLI INCIPIT DI “IL FU MATTIA PASCAL”, “LA
COSCIENZA DI ZENO” E “IL LUPO DELLA STEPPA”
Rossella Montibeler
THE HIDDEN CLUES IN THE INTRODUCTIONS OF “THE LATE MATTIA
PASCAL”, “ZENO’S CONSCIENCE” AND “STEPPENWOLF”
- 111** **Şerife Seher Erol Çalışkan**
ZONGULDAK EREĞLİ BÖLGESİNDE LAKAP VERME GELENEĞİ
Şerife Seher Erol Çalışkan
THE TRADITION OF NICKNAMING IN EREĞLİ COUNTRY OF
ZONGULDAK
- 125** **Özlem Altın**
ABDULLAH TUKAY'IN PATOLOJİK – MARAZİ AŞKLARI ÜZERİNE
BİRKAÇ SÖZ
Ozlem Altın
A FEW WORDS ON ABDULLAH TUKAY'S PATHOLOGICAL-MORBID
LOVES
- 129** **Zarko Milenic**
REMAINS FROM THE ALIENS IN THE NOVEL *ROADSIDE PICNIC* BY A.
AND B. STRUGATSKY

- 137 Трајче Стојанов**
ДОСТОЕВСКИ ФИЛОСОФ?
Trajche Stojanov
DOSTOEVSKY – A PHILOSOPHER?
- 149 Татјана Вукелич**
ВЛИЈАНИЕ ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА ТУРГЕНЕВА НА ПРОЗУ ИОСИПА КОЗАРЦА
Tatjana Vukelić
THE INFLUENCE OF IVAN SERGEYEVICH TURGENEV ON THE NARRATIVE OF JOSIP KOZARAC
- 161 Рефиде Шаини**
ДЕЛАТА ОД ТУРСКИ ПОЕТИ ОБЈАВЕНИ ВО МАКЕДОНСКОТО ДЕТСКО СПИСАНИЕ НА ТУРСКИ ЈАЗИК „БАХЧЕ“
Refide Shaini
THE WORKS OF TURKISH POETS PUBLISHED IN MACEDONIA TURKISH CHILDREN’S MAGAZINE BAHCE
- 171 Сунчица Трифуновска Јаниќ**
ПРЕВОДИТЕ НА БИБЛИСКИТЕ ТЕКСТОВИ НА МАКЕДОНСКИ НАРОДЕН ГОВОР ВО XIX ВЕК
Sunchica Trifunovska Janikj
TRANSLATIONS OF THE BIBLE TEXTS OF MACEDONIAN FOLK SPEECH IN THE XIX CENTURY

КУЛТУРА / CULTURE

- 181 Петар Намичев, Екатерина Намичева-Тодоровска**
БРЕНДИРАЊЕ НА ГРАДОВИТЕ – УЛОГАТА НА СКОПСКЕ ПАЛАТИ ВО КУЛТУРНОТО БРЕНДИРАЊЕ НА ГРАДОТ ОД ПОЧЕТОКОТ НА XX ВЕК
Petar Namichev, Ekaterina Namicheva-Todorovska
THE BRANDING OF CITIES – THE ROLE OF SKOPJE PALACES IN THE CULTURAL BRANDING OF THE CITY FROM THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY
- 191 Ана Јовковска**
ПОТРЕБАТА ОД ФЕМИНИСТИЧКА ПЕРСПЕКТИВА КОН РОДОВАТА АСИМЕТРИЈА ВО ДОМИНАНТНАТА КУЛТУРНА МАТРИЦА И МАШКИОТ КАНОН ВО УМЕТНОСТА
Ana Jovkovska
THE NEED OF A FEMINIST PERSPECTIVE ON GENDER ASYMMETRY IN THE DOMINANT CULTURAL PATTERN AND THE MEN’S CANON IN ART

МЕТОДИКА НА НАСТАВАТА / TEACHING METHODOLOGY

- 203 Виолета Јанушева, Наташа Зулумовска**
УПОТРЕБАТА НА ФРАЗЕОЛОШКИТЕ ИЗРАЗИ ВО НАСТАВАТА
Violeta Janusheva, Natasha Zulumovska
THE USAGE OF THE PHRASEOLOGICAL EXPRESSIONS IN TEACHING
- 213 Andi Xhaferi**
PHARMACY STUDENTS' ATTITUDES AND EXPERIENCES IN ONLINE
LEARNING DURING GLOBAL PANDEMIC
- 223 Irena Kitanova, Ana Koceva**
DYSLEXIA & LANGUAGE TEACHING
- 231 Jovana Karanikikj Josimovska, Vesna Koceva**
IL TESTO LETTERARIO E LA LETTERATURA NEI MANUALI PER
L'APPRENDIMENTO DELL'ITALIANO LS: ESPERIENZA NEL CONTESTO
UNIVERSITARIO MACEDONE
Jovana Karanikikj Josimovska, Vesna Koceva
THE LITERARY TEXTS IN THE TEXTBOOKS FOR LEARNING ITALIAN
AS FOREIGN LANGUAGE: EXPERIENCE IN THE MACEDONIAN
UNIVERSITY CONTEXT
- 243 Ümit Süleymani**
MAKEDONYA TÜRK YAZARLARININ 8. ve 9. SINIF TÜRKÇE DERS
KİTAPLARINDA BULUNAN HİKÂYELERİNİN KARAKTER EĞİTİMİ
BAKIMINDAN ANALİZİ
Umit Suleyman
THE ANALYSIS OF CHARACTER EDUCATION IN THE STORIES OF
TURKISH AUTHORS IN 8TH AND 9TH CLASS TURKISH COURSE BOOKS
IN MACEDONIA

ПРИКАЗИ / BOOK REVIEWS

- 257 Иван Антоновски**
ПИОНЕРСКИ И РЕВОЛУЦИОНЕРЕН ЧЕКОР ВО МАКЕДОНСКОТО
УЧЕБНИКАРСТВО
Ivan Antonovski
A PIONEER AND REVOLUTIONARY STEP IN MACEDONIAN TEXTBOOK
WRITING

ДОДАТОК / APPENDIX

- 268** ПОВИК ЗА ОБЈАВУВАЊЕ ТРУДОВИ ВО МЕЃУНАРОДНОТО НАУЧНО
СПИСАНИЕ „ПАЛИМПСЕСТ“
- 270** CALL FOR PAPERS
FOR THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL “PALIMPSEST”

ВЛИЯНИЕ ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА ТУРГЕНЕВА НА ПРОЗУ ИОСИПА КОЗАРЦА

Татьяна Вукелич
Университет в Риеке, Хорватия
tvukelic@ffri.uniri.hr

Аннотация: В работе исследуется влияние выдающегося русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева на прозу хорватского писателя Иосипа Козарца. Подчеркивается важность и необходимость вложения средств в изучение сравнительного литературоведения, поскольку только так можно увидеть место национальной литературы в литературно-историческом процессе других национальных литератур. Иосип Козарц основывает свое литературное описание на основах тургеневской прозы.

Ключевые слова: *сравнительная литература, хорватская литература, русская литература.*

Введение

Иосип Козарц (1858-1906) — личность больших нравственных качеств в хорватской литературе. Этот уроженец города Винковцы творил в сонной среде, где его произведения предупреждали об истинных причинах хорватской отсталости того времени. Он подчеркивал важность экономического фактора в развитии страны и необходимость освобождения человека. Был крайне самокритичен, без претензий на славу и карьеру. Он говорил и писал о положении в стране честно и открыто, стараясь не приукрашивать, а реально обрисовать картину страны и социальных условий в ней. Особое внимание он уделял положению мужчины, а особенно женщины.

Об Иосипе Козарце сказано и написано много, о нем написано большое количество значительных, исчерпывающих и критических статей. Козарц привлек внимание критиков и читателей своим дебютом с рассказами *Истории дедушки Ники* в 1880 году. Этот начинающий, юношеский и непрехотливый сборник вызвал похвалу у великого хорватского литературного критика того времени Августа Шеноа, который признал в Иосипе Козарце будущего значимого и ценного писателя. Это было большим стимулом для молодого писателя, так как похвала исходила из самого уважаемого места и давала ему возможность войти в мир литературы.

Воспринимая литературу как трудную, ответственную работу, требующую как жертв, так и самоотречения, а не как возможность обрести славу, никогда не довольствуясь тем, что написал, и всегда обеспокоенный и скептически относящийся к истинной ценности своего литературного творчества, Козарац относился к себе самокритично даже в разговоре с Антуном Густавом Матошем, который посетил его в его доме в Винковцах. В такой же критической манере он обратился к Янко Иблеру, которому в письменной форме дает понять, что он *безжалостный и строгий толкователь своих рассказов* (Badalić, 1955. с. 68). Все это показывает нам, что в письменной форме Козарац хотел достичь своего идеала: и жизненного, и художественного. Это было стремление писать не только для себя, но и для других. Мастер хорватского реализма, который основывал свою картину реальности и критику окружающей среды на экономической основе, избегая смутной идеализации реальности, Козарац по праву заслужил репутацию самого реалистичного хорватского реалиста. Его реализму также приписывали практическую поучительность, которую он часто вплетал в свои работы. Он был автором не только реалистических структур и сюжетов, но и предложений. Его фраза всегда придерживается действительности, фактов и достоверности, и лишь в редких случаях он предается поэзии, лирическим тонам и воображению.

Козарац был поэтом природы, что наиболее очевидно в его описаниях природы. Лесничий Козарац от всего сердца переживал, описывая прекрасные славонские леса. О себе он сказал, что *сросся с природой, как плющ с дубом* (Kozarac, 1950. с. 260), что очевидно в его восприятии природы и поэтическом даре, который он использует в своих произведениях. Как полноценный человек природы, он хотел, чтобы люди осознавали свое счастье в полном сотрудничестве с природой, а не в конфликте с ней. Роман *Славонский лес* (1888) как раз выражает основную мысль всего его творчества.

Как живописец социальных возможностей в Славонии, Козарац является острым и ясным критиком, который с большой верой в возможность преобразования экономических и социальных условий говорит с огромной энергией человека, стоящего перед разгоряченным временем машин и технологий. Он пропагандирует труд, настойчивость, современное возделывание земли и образцовое управление. Дальше всего в изображении этих социальных и экономических проблем он идет в своем подвергнутом цензуре романе *Между светом и тьмой* (1891). Погруженный в проблемы, которые беспощадно трясут славонского человека, он говорит в *Автобиографии*: *В тот самый час, когда я развлекался материалом, из которого я построил **Между светом и тьмой**, наше общество охватило беспрецедентное стремление к личной чести и процветанию; этот рывок произвел на меня такое сильное впечатление, что я на мгновение забылся и решил пойти за ним, чтобы изобразить эти накопленные образы как можно более черными и даже в ущерб творчеству* (Čorkalo, 1988. с. 35).

Обращение Козарца к проблеме человеческой души связано с сочетанием субъективных и объективных обстоятельств в нем самом и вокруг него. Козарца делает шаг в сторону от позиции критического реализма и пишет психологические новеллы, которые он приближает к современной позиции, именно в то время, когда приезжает из липовлянской среды в Винковцы. В городскую среду, в то время разочарованную неудачами реформаторских попыток на экономическом и политическом уровне. Написав о Козарце, Милан Марьянович указал на нечто важное в восприятии его произведений. Первый однозначно определил, *что на последней фазе своего творческого развития Козарца превратился из реалиста в модерниста (ибо описание Козарцем психологии персонажей есть не только признак зрелого реализма, но и знак предельно современного литературного созерцания человеческих явлений и судеб), то есть ему удалось зарисовать некоторые существенные психологические и социальные черты портрета Козарца и тем самым помочь понять влияние внелитературных отношений на внутреннее литературное развитие писателя* (Matičević, 1996. с. 50). С бременем горечи личных и общих неудач и поражений Козарца обращается сам к себе и в своем творческом труде тянется к сокровенным истинам души, стремящимся к красоте и гармонии. Туберкулез, глухота и ревматизм еще больше влияют на его уход и отказ от общественной жизни. Только тогда он находит свой истинный творческий интерес и дает выход собственной потребности в исповеди, в тайнах и глубинах интимных миров, которые может правильно выразить только творчество.

Влияние Тургенева на прозу Козарца

Применяя некоторые художественные приемы Тургенева, но оставаясь верным выбору материала из хорватской жизни, Козарца развивает своеобразный и узнаваемый художественный стиль. Начиная с темы и направления отдельных произведений, многие критики наблюдали за Козарцем как за писателем, который в своем творчестве дает относительно полную картину культурного, социального и политического положения Хорватии на территории Славонии. Козарца подчеркивает идею национального возрождения (в национальном, нравственном, этическом и социальном смысле) в создании литературных героев, а также в разграничении разных социальных слоев. Он анализирует взаимоотношения персонажей, проявляя чувство детализации обстановки и атмосферы, в которой он развивает сюжет. При этом он рисует персонажей не только описательно, но, исходя из предрассказов этих персонажей, освещает их индивидуальную речь и вводит в литературный язык диалектные формы, а также народный способ выражения. Его средства художественного языка и выражения – эпитеты, сравнения, метафоры – многочисленны и разнообразны. Он использует эпитеты, стремясь дать реалистическое представление о предмете или персонаже, а при описании природы уловить свет, запах, звук, передать непосредственные впечатления. Широкий спектр эпитетов придает эмоционально-субъективную характеристику

предметам и явлениям внешнего мира или сложным психологическим состояниям. Сравнения Козарца несут не только образную функцию, но и становятся носителями основного смысла выражаемой мысли. Иногда в них заключена и лирическая сила. Метафоры Козарца достаточно сложны, в них переплетаются различные ощущения, и часто они имеют специфическую объяснительную функцию: трансформировать ускользающую ситуацию в реалистический образ.

В своей „Автобиографии“ Иосип Козарца определил свое отношение к своим литературным учителям-рассказчикам в нескольких предложениях... *что, когда я создавал и писал эти мои рассказы, перед моими глазами парил Тургенев, этот прекрасный, богодухий аристократ между художниками это тебе уже известно. Тот, кто имеет в себе искру творческого чувства и читает и осознает ту чудесную гармонию, которая царит в мире его новелл, тот не может не восхищаться* (Kozarac, 1950. с. 500). Действительно, Козарца следовал этой удивительной гармонии Тургенева и стал и остался одним из самых одаренных последователей Тургенева в хорватской повествовательной литературе.

Ни один иностранный писатель не имел такого большого значения для развития хорватской литературы, особенно хорватского реализма, как Иван Сергеевич Тургенев (1818 - 1883). Начиная с 1859 года, когда перевод его рассказа *Фауст* был опубликован в журнале „Ядранская вилла“, до девятидесятых годов девятнадцатого века Тургенев был самым переводимым писателем в Хорватии. Об этом свидетельствует тот факт, что все его творчество было переведено на хорватский язык еще при жизни. Хорватские реалисты, в том числе Иосип Козарца, читали Тургенева исключительно в переводах. Самый известный хорватский публицист и переводчик Иосип Мишкатович начал переводить Тургенева в 1859 году, публикуя свои переводы в журналах „Позор“ и „Посиело“, предназначенных для широкого круга читателей. Начиная с *Фауста*, последовали переводы *Три встречи*, *Дворянское гнездо*, *Муму*, *Первая любовь*, *Рудин* и *Дневник лишнего человека*. В период с 1859 по 1869 год было переведено большое количество произведений Тургенева, а также появились первые критические рецензии. Тургенев привлек Велимира Гая, назвавшего великого русского писателя „Шекспиром рассказов“. Гай указывал на сходство в изображении характеров русских и хорватских крестьян того времени, подчеркивая ориентацию хорватского читателя на русскую литературу. Таким образом, Тургенев стал ассоциироваться с понятием реализма, а хорватские писатели и критики подчеркивали необходимость внедрения реализма в хорватскую литературу. Помимо Велимира Гая, хорватская литературная критика девятнадцатого века признала ценность произведений Тургенева. В статье *Иван Тургенев* Иван Захар отмечает, что *Тургенева читали и узнавали почти во всем культурном мире, что его романы произвели впечатление и на хорватскую литературу. Из этих романов можно узнать что-то особенное, чего раньше мир не видел* (Badalić, 1972. с. 296). Хорватский критик Джура Галац опубликовал в „Виенце“ в 1880 году статью, в которой

предложил хорватским писателям прочитать Тургенева, которого Галац представляет как борца за социальный прогресс. Галац говорит: *Бог знает, не было бы пользы для нашей прекрасной книги, если бы этот благородный реализм повлиял на ее развитие? Поэтому изучение Тургенева является обязанностью каждого, кто хочет писать рассказы»* (Flaker, 1965. с. 90). В статье, опубликованной в „Виенце“ в 1875 году, Август Шеноа подчеркивает большое значение и оригинальность русского писателя, считая его *самым известным рассказчиком России, да и Европы* (Flaker, 1965. с. 90).

Среди множества хорватских критиков девятнадцатого века, изучавших творчество Тургенева, следует упомянуть Миливоя Шрепеля, крупнейшего хорватского поклонника и критика русской литературы. Широко рассказывая о Тургеневе в очерке *Ивана Сергеевича Тургенев* (1893), Шрепель говорит о Тургеневе как о величайшем писателе-реалисте своего времени. ... *Когда будущее захочет показать нам ориентир - для оценки того, что дарит миру чудесный славянский гений своей живой верой, с глубоким чувством, с особыми мыслями о жизни и смерти, с потребностью в мученичестве, с жаждой идеалов - тогда картины Тургенева останутся неизменными документами, как портрет гениального человека для его детства* (Šrepel, 1893. с. 196).

И действительно, большинство хорватских писателей того времени пошли по пути Тургенева, перенимая его способ понимания реализма и применяя его в своих произведениях. Часть хорватской литературной сцены выбрала натурализм Золя, а большинство - более умеренный реализм. Следует подчеркнуть ориентацию хорватских писателей на тургеневский тип рассказа, в котором внимание читателя акцентируется на общественно значимом характере человека, для этого развернутая романная фабула заменяется лирическими элементами. Выраженные лирические элементы подчеркивают личность рассказчика, а с Тургеневым их в большинстве случаев связывает тематика деревенской жизни. Такой подход к развитию повествования в хорватской литературе встречается у Иосипа Козарца. Нет сомнений в том, что многие модели художественного творчества Козарца произошли от Тургенева, и в качестве наиболее распространенных и представленных моделей можно назвать: отношение к природе, отношение к женским персонажам и модель “лишнего человека”.

Отношение к природе

Славонский лес (1888) - это произведение, в котором Козарца непосредственно, прямо и открыто говорит о своих впечатлениях от славонского леса в декларативной манере, наполняя его субъективными переживаниями. Автор нашел в лесу оазис мира, удовлетворения и тишины, передышку от беспорядочной и хаотичной реальности под управлением Куэн-Хедервари (Куэновой Хорватии), где он не мог найти смысла и гармонии. Среди славонских новелл первого этапа творчества писателя это произведение наиболее близко к художественному процессу Тургенева.

Славонский лес Козарца и очерк Тургенева *Лес и степь* (оба произведения были опубликованы в том же году в “Виенце”) представляют собой серию картин природы, связанных с личностью рассказчика, и построенных на композиционной основе чередования дней и ночей, и времен года в природе. Меняются описания, картинки, рассказы, комментарии писателя, происшествия, разговоры. Все повествовательные приемы Козарац уплотнил в той короткой прозаической форме, которую, несмотря на сюжетно-фабулативную схему, нельзя отнести ни к новеллам, ни к чисто автобиографическому произведению. Понятно, что для этого хорватского Тургенева лес и природа представляют собой сокровищницу тайн и загадок жизни, арену борьбы за выживание. *Славонский лес* - чарующая ода природе, в которую Козарац привнес романтический восторг, страсть охотника, рациональность лесника и проницательность опытного наблюдателя.

Как Тургенев был привязан к своему родному краю, русским лесам и степям, так и Козарац выражает свою привязанность к славонскому пейзажу через его описания. Пейзаж Козарца — это элемент описания, иногда состояния человеческой психики и сознания, выражение чувств и настроения, изобразительный символ, музыкальное значение и последовательность событий. Он следит, запускает и останавливает действие, обуславливает поступки персонажей и объясняет их психологические проявления. Появление пейзажа в прозаической структуре лишь иногда придает лирическую тональность повествовательному течению, или оживляет повествование, или обнаруживает параллелизм пейзажа и человеческих переживаний. Пейзаж в сюжете произведения имеет разнообразные функции, от переживания пейзажа как объекта природы до параллелизма человека и природы. Визуальные детали в пейзаже Козарца, предметы и цвета, имеют настоящую живописно-метафорическую ценность. В более поздних работах визуальных образов становится все меньше. Они появляются более незаметно и имеют более выраженную психологическую функцию. По словам Ивана Богнера, *пейзаж Козарца редко развивался до пейзажа состояния души, но он оставался на пейзаже как объект переживания, т. е. как наблюдатель природы, человек реалист* (Bogner, 1987. с. 136).

Связь между природой и человеком в творчестве Козарца, безусловно, происходит от Тургенева. В этой технике на первый план выходит пантеизм Козарца. Такого рода тургеневское заявление присутствует во многих рассказах Козарца, в которых человек представлен как игрушка природы. Есть также и определенные противоречия в подходах этих двух писателей к природе. В отличие от Тургенева, у Козарца пейзаж редко выполняет относительно самостоятельную лирическую функцию, как у Тургенева. В большинстве случаев описания природы Козарца служат определенной цели, служат для определения времени, введения в события или выделения человеческих переживаний. Поэтому можно сказать, что пейзаж Козарца функционален. Один из основных контрастов между произведениями Козарца и Тургенева заключается в лирическом способе оформления материала и в рационализации, которую Козарац привносит в свои произведения.

Козарац, безусловно, перенимает у Тургенева элемент „прекрасного“ в своих произведениях, но в то же время Козарац — просветитель и рационалист. Просветительские соображения и рациональность становятся доминирующими элементами в структуре творчества Козарца.

Тургеневский „лишний человек“ в творчестве И. Козарца

Наиболее сильно в Козарце нашел отклик литературный характер „*лишнего человека*“ (*лишний человек*), специфического социально-творческого продукта русской действительности и литературы девятнадцатого века, начиная с пушкинского Онегина и лермонтовского Печорина, до герценовского Белтова и тургеневского Рудина. Из галереи русских литературных персонажей, принадлежащих к этой категории людей, и в литературе хорватского реализма выделились такие типы „лишних людей“, которые связаны с русской литературой. „Лишний человек“ — термин, возникший из русской социальной действительности, и впервые появившийся в восемнадцатом веке у Карамзина в его повести *Бедная Лиза*.

Чтобы иметь возможность распознать представителя этого слоя людей, мы должны дать ему основные характеристики. „Лишний человек“ обычно дворянин по происхождению, по-своему образованный и воспитанный, живущий за счет чужого труда и того, что он унаследовал от предков. Он всегда беспокоится из-за того, что его благородное положение находится под угрозой экономической и социальной опасности. Он готов улучшить положение и положение своего окружения, но в этих усилиях и мыслях у него нет ни сил, ни решимости осуществить свои идеи. Он не знает, как работать или разговаривать с людьми, особенно с женщинами. Что касается женщин, он завоеватель ради завоевания. Когда он достигает своей цели и соблазняет женщину, он отстраняется, потому что боится, и не хочет жертвовать собой ради любви. В вопросе этической ответственности он останавливается на словесных причитаниях, не признавая собственной вины. В конце концов, он с сожалением отступает и направляется к какой-то новой жизненной ситуации, где он снова, как неудачник, оставит страдания после себя. Он всегда будет обузой для себя и других.

Иван Мажуранич, Джуро Галац, а позже Иосип Бадалич видят сходство между хорватским и русским „лишним человеком“. Мажуранич говорит о Тургеневе, что... *русский солдат и мужик, княгиня и горничная, клерк и священник, жестокий человек и предатель - все они являются объектами его наблюдения* (Varac, 1951. с. 928). Галац констатирует ... *что все русские классы описаны в произведениях Тургенева, а также характерные типы русского общества (Рудин, Базаров, Нежданов, Соломин), стремящиеся раскрыть и показать причины возникновения нигилизма* (Varac, 1951. с. 928). Бадалич говорит, что... *Иосип Козарац, основной творческий период которого приходится на восьмидесятые и девяностые годы прошлого века, смог своевременно встретить в хорватских переводах наиболее характерные типы русских „лишних людей“.* О том, что

Козарац действительно встречал „лишнего человека“ в произведениях русских писателей, и вдохновлялся этим литературным явлением в своем творчестве, однозначно свидетельствуют художественные отражения русского „лишнего человека“ в его произведениях: персонажи Иосипа Ратковича в рассказе Между светом и тьмой и Евгения пл. Вуковича в рассказе Мира Кодоличева (Badalić, 1972. с. 319).

Однако, эта врожденная одаренность никак не могла принять конструктивный аспект в его развитии и работе. Кроме того, его экономические и реформаторские привязанности длились бы лишь короткое время, а затем превратились бы в простые размышления и медитации. Козарац, как и Тургенев, противопоставлял своего героя старшим поколениям той эпохи, чтобы получить более точное описание представителей нового и современного поколения „лишних“. Подобно тургеневскому Рудину, Раткович Козарца любим и проникает в женское общество благодаря своим неоспоримым внешним и социальным качествам, но он так же нерешителен и непоследователен как для себя, так и для женщин. Он завоевывает женщин, а затем бросает их. На своем жизненном пути в поисках места в социальной ячейке и любовном плане, Раткович часто сталкивался с возможностью задеть чужое счастье, а затем отвернуться от него. В этих своих занятиях он часто осознавал свою вину и понимал, что своим поведением причиняет боль. *...Он целовался от скуки, но ему казалось, что после он становился жертвой любящих женщин, а теперь Тереза стала его жертвой. ...Более того, он намеревался сделать так, чтобы молодая девушка влюбилась в него, он был ястребом, безжалостным ястребом, который, уже поймав птицу, только потом смотрел на нее...* (Kozarac, 1950. с. 296). В конкретном случае с Терезой он хочет, в момент своего осознания, исправить свою ошибку и жениться на ней, но снова возникает новый и более сильный интерес к политической карьере, который уводит Ратковича в другом направлении. Для такого его увлечения высокими идеалами он также находит особое психологическое объяснение, которое присутствует в психологических образах русских „лишних“. И, наконец, следует констатировать, что Раткович представляет собой типичный пример „лишнего человека“, обладающего всеми характеристиками тургеневских „лишних людей“, которых Козарац изучал с энтузиазмом.

Давайте проанализируем еще один мужской персонаж из Козарца, который, как и Раткович, принадлежит к этой группе людей. Это Евгений пл. Вукович, главный герой любимого рассказа Козарца *Мира Кодоличева*. Вукович тоже образованный и богатый дворянин тридцати лет. Он полностью отходит от повседневной и суровой деловой хватки мужа Миры, провинциального юриста. Благородный Вукович имел утонченную внешность, аристократические манеры и отличался остроумием. Как и все „лишние люди“, он не умел делать никакой работы. Он тратил наследственное имущество. Появление Вуковича в семье Кодолича было катастрофой для супружеской жизни Миры и ее мужа, но также и для самого Вуковича, у которого уже была невеста Эмилия, и его роман с Мирой привел

их отношения в замешательство. Вот так благородный Вукович оказался в незавидном положении, из которого убегает, оставив своих „жертв“, и убегает подальше в свет. ...*Вукович чувствовал, что земля, на которой он стоит, все больше и больше превращается в болото и он погружается в него все глубже и глубже, хотя и хотел обмануть себя, что все еще стоит на твердой поверхности. Перед ним две палки, ему просто нужно ухватиться за любую, чтобы выбраться из этого болота, даже и испачканный, но он не знал за какую палку ухватиться, не знал с какой из них более достойно выпутаться. ... Да, надо уйти отсюда скорее, как можно скорее. Собрав часть самого необходимого, не попросившись лично ни с Кодоличем, ни с его женой, Вукович на следующий день отправился прямо в Баден под Веной. Он даже не заехал в Загреб, потому что у него не было сил посмотреть своей невесте в глаза, поцеловать ее руку, которую он целовал столько раз...* (Kozarac, 1950. с. 395-402).

Вывод

Козарац, безусловно, чувствовал близкое родство с русскими „излишками“ и по их примерам создавал своих персонажей. Его самым близким и самым большим образцом для подражания был Тургенев и его „лишние люди“, которые пробудили в Козарце желание создавать хорватских „лишних людей“, идеально их сформировав.

Истинное искусство никогда не теряет своей ценности. Об этом свидетельствуют произведения Козарца, которые пережили свое время. Хотя его описание, как и у большинства писателей эпохи хорватского реализма, берет корни в социальном, национальном и политическом моменте того времени, в котором живет писатель, его произведения до сих пор, спустя почти сто пятьдесят лет после их создания прославляются, читаются и анализируются. Сегодня Иосип Козарац воспринимается как хорватский литературный классик, мы называем его „хорватским Тургеневым“, перерабатываем характеристики его произведений, в которых еще много неисследованных концептуальных, тематических и структурных аспектов. Все произведения Козарца составляют единое тематическое целое. Они разрабатывают вопросы материального, морального и социального подъема славонской земли и общества. Не зная развития грядущих дней, не имея ясного видения будущего, Козарац останавливается на образе тихой и простой жизни в деревне, как надежном убежище от жизненных тревог и унижительной незащищенности, хотя деревня часто совсем не оазис общественного спокойствия. Работы Козарца – это живые художественные послания и ценные документы его творческого таланта.

Список литературы

- [1] Badalić, J. (1972) *Rusko-hrvatske književne studije*. Zagreb: Liber.
- [2] Badalić, J. (1955) *Odrzi ruske književnosti kod hrvatskih pisaca*. Zbornik radova Slavenskog Instituta. Zagreb.

- [3] Badalić, J. (1977) *Puti i perspektivi metoda sravniteljnovo literaturovedenija*. Umjetnost riječi 1-3, Zagreb.
- [4] Badalić, J. (1968) *Hrvatsko književno stvaralaštvo u ruskoj književnosti*. Mogućnosti, broj 9-10. Split: Matica hrvatska.
- [5] Barac, V. (1951) *Značenje Turgenjeva za teoriju hrvatskog realizma*. Republika br. 7, knjiga 2., Zagreb, 1951.
- [6] Bogner, I. (1987) *O Josipu Kozarcu i njegovu romanu Među svijetlom i tminom*. Književni prikazi, Pedagoški fakultet Osijek.
- [7] Brešić, V. (1998) *Autobiografija Josipa Kozarca*. Hrvatska revija, broj 4. Zagreb.
- [8] Čorkalo, K. (1995) *Narav književnog djela Josipa Kozarca*. Hrvatska revija, broj 4. Zagreb.
- [9] Čorkalo, K. (1988) *Psihološke novele Josipa Kozarca*, Centar za znanstveni rad Vinkovci: Vinkovci.
- [10] Deanović, M. (1960) *Poredbena književnost i slavenski narodi*. Književnik, broj 11. Zagreb.
- [11] Ejhnenbaum, B. (1972) *Turgenjevljev artizam*. Beograd: Književnost Nolit.
- [12] Flaker, A.; Pranjić, K. (1970) *Hrvatska književnost prema europskim književnostima*. Zagreb: Liber.
- [13] Flaker, A. (1968) *Književne poredbe*. Zagreb: Naprijed.
- [14] Flaker, A. (1961) *Ruski pripovjedači devetnaestog stoljeća*. Zagreb: Školska knjiga.
- [15] Flaker, A. (1965) *Ruski klasici 19. stoljeća*. Zagreb: Školska knjiga.
- [16] Flaker, A. (1986) *Ruska književnost*. Zagreb: Liber.
- [17] Flaker, A. (1986) *Stilske formacije*. Zagreb: Liber.
- [18] Frangeš, I. (1976) *Kritika u doba realizma*. U: *Pet stoljeća hrvatske književnosti*, Zagreb: Zora, Matica hrvatska.
- [19] Kozarac, J. (1950) *Djela.*, Zagreb: Zora.
- [20] Lukšić, I.; Užarević, J. *Ruska književnost u hrvatskim književnim časopisima 1945-1977*. Zagreb: HFD.
- [21] Markasović, V. (1998) *Josip Kozarac – portretist žena*, Godišnjak za kulturu, umjetnost i društvena pitanja. Vinkovci: Matica hrvatska Vinkovci.
- [22] Matičević, I. (1996) *Literatura o Josipu Kozarcu*. Zagreb: Kolo, Matica Hrvatska, broj 4.
- [23] Nemeč, K. (1995) *Povijest hrvatskog romana*. Zagreb: Znanje.
- [24] Posavac, Z. (1970) *Kulturnopovijesne pretpostavke pojave i razvoja hrvatskog realizma*. Umjetnost riječi, broj 3. Zagreb.
- [25] Solar, M. (1997) *Suvremena svjetska književnost*. Zagreb: Školska knjiga.
- [26] Šrepel, M. (1893) *Ruski pripovjedači*. Zagreb: Matica hrvatska.
- [27] Turgenjev, I. S. (1991) *Očevi i djeca*. Zagreb: Školska knjiga.
- [28] Turgenjev, I. S. (1963) *Lovčevi zapisi*. Zagreb: Matica hrvatska.
- [29] Žmegač, V. (1982) *Književnost i zbilja*. Zagreb: Školska knjiga.

Tatjana Vukelić
University of Rijeka, Croatia

**The influence of Ivan Sergeyevich Turgenev on the
Narrative of Josip Kozarac**

Abstract: This manuscript deals with the prose narrative of the famous Russian writer Ivan Sergeyevich Turgenev and his influence on the prose narrative of the Croatian writer Josip Kozarac. The author discusses the importance of the comparative literary study between national literatures of the world and define their literary and historical discourse in the global literary mainstream. Josip Kozarac, a great Croatian writer and novelist, found inspiration for his literary corpus in the Turgenev's novels and short stories.

Keywords: *comparative literary study; Croatian literature; Russian literature.*

ГОД. VII
БР. 14

ПАЛИМПСЕСТ

PALIMPSEST

VOL. VII
NO 14